

Стефания Данилова

Родилась в 1994 году в Сыктывкаре. Основатель продюсерского центра «Всемпоззии». Автор двух десятков книг стихов и прозы. Лауреат премий «Северная звезда» журнала «Север», «Пушкин и XXI век», премии имени С. Т. Аксакова. Обладатель приза зрительских симпатий «Филатов-феста» (2016). Публиковалась в журналах «Зинзивер», «Дети Ра», «Юность», «Традиции & Авангард» и других изданиях. Живет в Санкт-Петербурге.

Московский вокзал превращается в Ленинградский

Беркана¹

Нет того, что не сможет стерпеть электронный лист.
Я смотрю на то, как и мы не убереглись
от огня, не способного нас ни согреть, ни сжечь.
Уступают ему и костер, и вулкан, и печь.

Между нами огонь – стеной ли, двойной сплошной,
шириной где-то в жизнь, и Питер – Москва – длиной.
Расцветает Беркана¹, горящая до утра
на запястье, куда попала его искра.

Так смотреть друг на друга вечность через огонь,
изучать его языки и на них молчать.

Будешь мне – навсегда протянутая ладонь.
Я тебе – никогда не сорванная печать.

Голос

Знаешь, завтра концерт...

У меня отобрали голос.

Не могу не курить сигарету за сигаретой.

На гусиной подушке – мой поседевший волос.

Пополняю ряды сентябрьски не согретых.

¹ Беркана – руна женской энергии.

Я хочу затемпературить не от простуды –
от болезненной невозможности повидаться.
Все молитвы мои исполняют одни иуды,
у Христа переполнена почта от самозванцев.

Я же знаю, что ты певец.

Одолжи мне голос

на сто двадцать минут поэтического концерта.

Передай его мне ветром всех оживленных пóлос,

я поймаю его

там, где первый вагон от центра –

если правильно помню, так говорят в столице? –

на любой из простывших санкт-петербургских станций.

Я болею, курю, и впору на это злиться,

но по клавиатуре все продолжаю танцы:

«Знаешь, завтра концерт... Я знаю, ты будешь рядом.

Ну подумаешь, в семистах километрах город.

Может быть, под прицелом пристальнейшего взгляда

на сто двадцать минут

мне, поэту,

вернется

голос».

Карельский лес

Я-одна открывает окна, чтоб я-вторая

улетала спокойно, куда так давно хотела –

на таинственный перекресток между мирами,

из больного, ненавидимого ею тела.

И пока я-одна грустит и болеет дома,
я-вторая к тебе Рускеальским летит экспрессом,
выходя из окна девятого, как из комы,
едет рядом с тобой, и шутит, и пьет эспрессо.

Я-одна просыпается утром и слышит лето –
так об стол в поездах подстаканник стучит железный.
В этом доме, где воздух морщится от таблеток,
почему-то отчаянно пахнет карельским лесом...

Погоня

Мне хочется верить: за мной не пошлют погони.
Я встану с утра, надену свои погоны
из традиционно питерского тумана,
дрожащие руки буду скрывать в карманах.

В окне новостройки справа, деревья слева.
Я буду грызть красное яблоко, точно Ева,
и кофе пить, как гипертоник-самоубийца,
чтоб в сны, как в открытые люки, не провалиться.

Ты будешь встречать в одиннадцать на перроне
с цветами, которых никто не увидит, кроме
моих серых глаз, становящихся голубыми.
«Как люди различны, носящие это имя...» –

я снова подумаю тихо и перестану.
Мы, покидая утренний полустанок,
уйдем на сентябрьски-октябрьский перекресток,
станем героями песни «Цветы и звезды»¹.

¹ Песня Светланы Сургановой.

Когда я сбегу к тебе, как из строчки буква,
как смайлик «Мы вместе», украденный из фейсбука,
мне хочется верить: за мной не пошлют погони,
когда я осмелюсь тронуть твои ладони.

Да будет так

«Я тебе никогда не сорванная печать» –
написала слова, и мне за них отвечать.
У моих «Никогда» есть дата вплоть до секунд.
Это время до нашей встречи я засеку.
Как тебе без меня, так мне без тебя никак.
Я печать, что как знамя поднятое ярка.
А под ней письмо не для чтения – для огня.
И оно целиком составлено из меня.
Там, в моем «Никогда», я быть с тобой зареклась
и мое же табу надо мной посмеялось всласть.
Ты возьмешь меня, как бумагу огонь берет,
и мое «Никогда» в признание моем умрет.
Знают руны и карты простые мои слова:
Я печать, что Тебе одному суждено сорвать.
Переписанное есть свет, перекрывший мрак.
Повторенное троекратно «да будет так!».

Виновны ли?

Ты не пил со мной, не видел во всей красе,
через лужи на руках меня не носил.
Но виновен ли ты, что ревнуешь меня ко всем,
кто меня приобнимет и даст мне сил?
И если я – Иггдрасиль, то ты – дровосек,
а значит, в камине пламя не погасить.

В ослепительно-белое небо взлетит Икар
и сгорит, и сгорит, не в силах добраться за...
Но виновна ли я, что гляжу на совместный кадр
не со мной, не со мной – и вижу свои глаза?
Мне не нужен для этого ведьмин дар,
меня волшебю ведет шиза.

И совместная фотография ожила,
и моими ногами идет по мокрой листве,
и перед нами, как море, расступается мгла,
в ненавидимой прокураторами Москве.
Но виновен ли ты, что прекрасны мои дела?
Но виновна ли я в том, что лишь ты – мой свет?

Московский – Ленинградский

Это история о том, как я полюбила вокзалы
больше, чем полные залы.
У кого как, а у меня летом была зима.
Бросили на вокзале, как кошку или собаку.
Пила валерьянку и разглядывала дома,
неотличимые от мусорных баков,
не хотела жить даже в собственном.
Жизнь была такой, что не хотелось любить ее.
Знаете, а вот с осени
в нее пришло удивительное событие.
Ташу тебя за руку к тому самому месту,
где меня бросили, об землю бросили со всей силы.
И как будто вступает оркестр,
и это красиво.
У кого как, а у меня лето
посреди неволшебной, черной зимы.
В телефоне скрины билетов

туда, где случимся мы.

Никакой пуховик не спасает в дубак этот адский,
на нем раскалываются пуговицы и люверсы.
Это история о том, как Московский вокзал
превращается в Ленинградский,
а мы стоим и целуемся.

Выбор

Те, кого я любила, выбирали меня, как путь,
что однажды стал тернистым и каменистым.
Мне хотелось лететь вперед, а им – отдохнуть,
на досуге развлечься вином игристым.

Те, кого я любила, выбирали меня, как дом,
оказавшийся не бóльшим, чем остановка.
Мне хотелось делать им чай со льдом.
Грелся суп на плите, шумела микроволновка.

Тот, кого я люблю, не выбирал меня.
Это он стал мне дорогой, ведущей к дому.
Я иду по ней не помню с какого дня,
не представляя, как может быть по-другому.

Мзымта

Оставь меня балластом, багажом.
Возьми с собой гербарием в альбоме,
то акварелью, то карандашом
рисуй меня, одну меня с любовью.

Туман украл вершины. Я – тебя.
Стыдиться больше незачем и нечем.
Я не встречала ярче сентября,
не передать ни камерой, ни скетчем.

Покрикивает ворон на своем.
Уводит нас канатная дорога
за самый распоследний окоем,
поближе к водопадному Богу.

От иван-чая до саган-дайля,
от черноморских пальм до горных сосен,
от всей своей души, от А до Я
разучиваем счастье в эту осень.

Где облако над рыжей головой
расплакалось дождинками и сердится,
а Мзымта познакомится с Невой
из хлещущего питерского сердца.

Стою под фонарем на остановке
и вижу, как замерзла в двадцать первом,
а в телефоне лучший в мире голос,
он утверждает: «Я люблю тебя».
Спокойствие – волшебная обновка.
Мой звездный плед, лавандовая пена.
Я прикололась и не прокололась,
тебя целую в свете сентября.

Под этим фонарем, как под софитом,
я – танцовщица, ты – случайный зритель
и режиссер. Продуманный и ловкий.
Проваливаюсь под паркетный лед.
Из слов ты свяжешь самый теплый свитер.
Когда сбежит последний посетитель,
я не уйду с холодной остановки:
ведь ты уже паркуешь самолет.

В день, когда несли домой мандарины,
подарки детям и розовые мечты,
сверкали глаза и витрины
от перламутровой красоты,
зима подарила мне суперсилу:
убивать холодом неправильное тепло.
Видеть в липких взглядах будущую могилу
через увеличительное стекло.
Между льдом и раскаленным железом
только один ожог.
Неприятное с бесполезным
совершают с моста прыжок
и падают в невские воды,
справедливей которых нет:
там даже нечистоты
превращаются просто в снег.
Щек моих не тронуть румянам,
я знаю, чье я ребро,
и вырастает в мой безымянный
скандинавское серебро.